

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО РЕДАКТОРА СПЕЦИАЛЬНОЙ РУБРИКИ INTRODUCTORY REMARKS BY THE SPECIAL SECTION EDITOR

В ходе своего исторического развития общественное сознание концентрировало многовековые знания и опыт, завещанные предками обычаи и традиции, жизненно важные технологии, различные формы искусства, фольклорные образы и сюжеты. Все эти и многие подобные им объекты являются составными частями мощнейшего ресурса исторической памяти – нематериального наследия. В силу своих специфических характеристик оно лишено осязаемых форм (в отличие, например, от произведений архитектуры или живописи) и может восприниматься только в процессе практической реализации тех или иных видов традиционной деятельности (музыкального или хореографического исполнительства, проведения религиозных ритуалов, создания различных предметов в соответствии с традиционными технологиями и т.д.).

Передаваемое из поколения в поколение, нематериальное культурное наследие постоянно воссоздается разнообразными сообществами, гармонизируя практику их сосуществования с окружающей средой, формируя преемственный характер исторического и культурного самосознания, обеспечивая тем самым развитие чувства идентичности, а также уважение к культурному разнообразию и многочисленным формам созидательной творческой деятельности человека.

Усиление глобализационных тенденций в современном мире явилось вызовом, обусловившим необходимость срочных и комплексных мер по сохранению нематериального наследия, в связи с чем была принята Конвенция ЮНЕСКО «Об охране нематериального культурного наследия» (2003), которая не была ратифицирована Российской Федерацией, поскольку подобный шаг создал бы определенные риски как во внешней, так и во внутренней политике. Наша страна пошла по пути совершенствования национального законодательства, в частности, была принята «Концепция сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации», в которой были интегрированы идеи, касающиеся защиты нематериальных форм культурного самовыражения, подчеркивалась важность последних как важнейшей составляющей национальной культуры и провозглашалась главная цель деятельности государства – сохранение глубинных, базовых основ многонациональной культуры России, национальных языков и литературы, значимых традиций, памятников фольклора, защита культурной самобытности каждого народа России, создание условий для популяризации нематериального культурного наследия народов Российской Федерации с целью сохранения единого культурного пространства России.

2022 год объявлен Годом культурного наследия народов России, что безусловно будет способствовать популяризации культурных традиций, сохранению исторической памяти, этнокультурного многообразия, самобытности всех народов и этнических общностей нашей многонациональной страны.

Актуализируя тему вышедшего номера, редакция журнала вносит свой посильный вклад в развитие научных исследований, связанных с традиционной культурой. Тематический вектор статей, публикуемых в заглавной рубрике, тесно связан с южнороссийской этнографической и историко-культурологической проблематикой. В частности, работа Т. Е. Гревцовой (Ростов-на-Дону) посвящена элементам свадебной обрядности донских казаков; Н. А. Власкина (Ростов-на-Дону) пишет о конструктах народного сознания жителей Области Войска Донского, связанных с Ильиним днем. В исследовании О. В. Матвеева (Краснодар) отражены малоизвестные моменты, связанные с творческой деятельностью Кубанского казачьего хора во второй половине 1930-х гг. Весьма ценным, является то, что все три опубликованные работы основаны на материале источников (этнографических или исторических), впервые вводимых в научный оборот – это свидетельствует о том, что подлинно научное освоение богатейшего историко-культурного опыта народов нашей страны успешно продолжается, и наша редакция со своей стороны приложит все усилия, чтобы и дальше содействовать этому процессу.

Редактор специальной рубрики А. В. Крюков

ГРЕВЦОВА Татьяна Евгеньевна

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник лаборатории филологии
Южного научного центра Российской академии наук
Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Tatyana E. GREVTSOVA

Cand. Sci. (Russian Language),
Federal Research Centre, Southern Scientific Centre,
Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation,

tanyar_2@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7512-9528

УДК: 392.51:[323.3:355.09](470.61+470.45)
ГРНТИ: 03.61.91
ВАК: 07.00.07

DOI: 10.36343/SB.2022.29.1.001

Обрядовое деревце в свадебной традиции донских казаков¹

Ritual Tree in the Wedding Tradition of the Don Cossacks²

В статье исследуются виды обрядового деревца как элемента свадебного комплекса донских казаков и производится сопоставление соответствующих символов с традициями русских и украинских областей. Работа осуществлялась на основе материалов диалектологических и этнолингвистических экспедиций Южного федерального университета (беседы с информантами), проводившихся в 1974–2014 гг. Отмечается, что на Дону свадебное деревце могло выступать самостоятельным атрибутом обряда или соединяться с хлебом. Установлено, что виды свадебного деревца «сосна», «ёлка», «сад», «курник», представляющие собой украшенные ветки ели, сосны или вишни, встречаются в районах Волгоградской области по Хопру. Определено, что деревце было связано с основными моментами обрядового «перехода» молодых людей в другой семейный статус, а его разновидности являются этнокультурным маркером региональных вариантов донской свадебной традиции.

Ключевые слова: донские казаки, Область войска Донского, свадебный обряд, свадебное деревце, растительный код, каравай, калина, сад, невеста.

¹ Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН (проект № 122020100347-2 «Политические и социокультурные процессы на Юге России в условиях модернизации (XVII–XXI вв.)»).

² The article was prepared as part of the implementation of the state assignment of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (Project No. 122020100347-2: Political and Socio-Cultural Processes in the South of Russia in the Context of Modernization (17th–21st centuries)).

Актуальность исследования региональных вариантов традиционной культуры русских обусловлена интересом ученых разных направлений к народной картине мира, пониманием фольклора в самом широком смысле как всей совокупности народной духовности, обрядов и сопровождающих их текстов, развитием этнолингвистического направления, а также недостаточной изученностью ряда областных традиций, в том числе территорий позднего заселения. Свадебный цикл как наиболее длительный, наполненный символическими действиями и фольклорными произведениями обрядовый комплекс является перспективным объектом исследований, несмотря на обширную историографию по этой теме. Анализ отдельных элементов свадьбы (предметов, ритуальных действий, участников) способствует реконструкции их культурной семантики, выявлению внутриобрядовых связей между разными кодами ритуала и описанию фрагментов народной картины мира, связанных с семьей и заключением брака.

В данной статье рассматриваются виды деревца в свадебном обряде донских казаков, распространение этой традиции на территории бывшей Области войска Донского, а также проводится сопоставление с русскими и украинскими традициями. Несмотря на давний интерес исследователей к свадебному обряду донских казаков, анализ его предметных символов был предпринят лишь в нескольких работах последнего времени [12] [17].

Основным источником исследования стали материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций Южного федерального университета (до 2006 г. — Ростовского государственного университета, с 2008 г. полевые исследования проводились совместно с Южным научным центром РАН) 1974–2014 гг. (далее — ПМДЭЭ ЮФУ (РГУ)). Кроме того, использовались диалектные словари донской лексики и опубликованные работы по казачьей свадьбе. Анализ осуществлялся в русле исследований московской этнолингвистической школы с применением методов структурной семиотики, этнолингвистики, этнографии, лингвогеографии.

Под свадебным деревцем в восточнославянской традиции понимаются различные

символы, так или иначе связанные с растениями, прежде всего с частями деревьев, с которыми совершаются определенные ритуальные действия на разных этапах обряда [7, с. 254] [15, с. 135–136]. Символика и ритуальные функции деревца изменяются в ходе свадьбы: от его изготовления перед обрядом до уничтожения этого атрибута до конца гуляний [7, с. 265]. С другой стороны, свадебное деревце стоит в одном ряду с другими обрядовыми атрибутами, символизирующими прощание невесты с девичеством, — косой и головным убором невесты [13]. Однако в отличие от них, сменяемых атрибутами замужней женщины в ходе свадьбы, деревце проходит «путь» до конца ритуала, изменяя свою символику с развитием обрядовой ситуации.

В свадьбе донских казаков, представляющей региональный вариант южнорусской свадьбы, деревце также является значимым атрибутом обряда. Как и в свадебной традиции других восточных славян, на Дону деревце связано с основными моментами обрядового «перехода» молодых людей в новый семейный статус. Однако его изготовление, ритуальное использование и название в донской свадьбе имеют региональные отличия, которые позволяют говорить о неоднородности донского культурного ландшафта и выделять локальные типы проведения обряда. При этом обрядовое деревце на свадьбе имеет особенности, обусловленные не только характером заселения территории и этническими контактами казаков с соседями, но и природно-климатическими условиями, которые определили наличие или отсутствие на Дону тех или иных видов растительности. Также влияют на материал, из которого изготавливали обрядовое деревце, сезон проведения свадеб и другие факторы [15, с. 136].

Как и в других восточнославянских регионах, на Дону свадебное деревце может быть самостоятельным атрибутом обряда или соединяться со свадебным хлебом [7, с. 262]. Как самостоятельный атрибут свадьбы деревце встречается у донских казаков в двух ареалах: в районах Волгоградской области по р. Хопёр (Алексеевский, Нехаевский, Новоаннинский, Урюпинский), к ним примыкают некоторые районы Среднего Дона (Котель-

никовский, Клетский), и в нижнедонских районах Ростовской области [4, с. 320] [8, с. 112] [9, с. 51–52, 122–124, 126–128, 137, 144, 148] [18, с. 287, 302, 525]. При этом вид, названия и ритуальные функции свадебного деревца у казаков на Хопре и Нижнем Дону имеют существенные различия.

В районах Волгоградской области по р. Хопёр обрядовое деревце называлось *сад*, *сосна*, *ёлка*, *курник*. Оно представляло собой ветку сосны, ели или вишни, украшенную лентами, конфетами, бумажными цветами. Деревце изготавливали на девичнике или утром в день свадьбы участники обряда со стороны невесты (родственники, подруги). Обрядовые действия с деревцем-«садом», его терминология и приуроченность к определенным моментам ритуала могут различаться в воспоминаниях старожилов даже одного населенного пункта. Деревце приносили в день венчания или, чаще, утром на следующий день родители невесты в дом жениха, родственники жениха в дом родителей невесты или подруги девушки в дом, где будут жить молодые [9, с. 51–52, 122–124, 126–128, 137, 144, 148]. Украшенную ветку нужно было пронести нетронутой по улице, чтобы в новой семье был достаток. Гости старались сорвать украшения с ветки или требовали выкуп за вход в дом. Несение *сада* сопровождалось песней «Уж ты, сад, ты мой сад, сад зелёный», *курника* — «Ой, уж вы, куры мои да кочеточки» [9, с. 51–52, 144]. В доме молодые снимали украшения с ветки: «...ну у неё там как раз сосны за Хопром, они сосну сломали, эта сад называлось. Там, может, вишнёвое или какое, ну это любое дерево сад называется. Вот с этим садом нужно пройти, хто ворвётся туда первый, то не пускают, тоже выкуп, плати, а с садом прорвался, всё, выкуп не даёшь, ворота открываются» (полевые материалы (далее — ПМ) Н. А. Власкиной, записано (далее — зап.) от Бирюкова А. Д., 1929 года рождения (далее — г.р.) в х. Меловский Нехаевского района (далее — р-на) Волгоградской области (далее — ВО) в 2008 г.)¹.

Мотивировка свадебных терминов *сосна*, *ёлка* обусловлена материалом, из которого

изготавливали обрядовое деревце, названий *сад* и *курник* — исполняемыми фольклорными текстами. *Курником* это деревце называли также потому, что после его принесения в дом жениха устраивалось застолье, на котором подавали курицу: «Ну а курятину — это уж обязательно, там и курятину вот, называлось вот ещё ж *курник*. Ветку какую-нибудь, ну обычно вишнёвая, её наряжали, конфеты привязывали, бумажки, фантики какие, ну конфеты привязывали. Вот с этой веткой идут, иде-нить её оставляют, а потом курятину это йисть. И курятину обязательно варили. Идут и поют “Куры, петушочки” там. И приносят и начинают разламывать по столам, поломают, ну не одну, конечно, курицу, а что парочку или больше» (ПМДЭЭ ЮФУ (РГУ), зап. от Леонтьевой А. Л., 1933 г.р., в х. Захопёрский Нехаевского р-на ВО в 2008 г., собиратели (далее — соб.): Дементьева Ю. Р., Успенская Л. Н.).

Отметим в материале для свадебного деревца взаимозаменяемость веток плодовых (в данном случае вишни) и хвойных (сосны, реже ели) деревьев, характерную для восточнославянской свадебной традиции в целом [1, с. 90] [7, с. 259]. Как и на других территориях, символика этого атрибута обряда на Хопре меняется от манифестации девичьего состояния невесты накануне свадьбы через борьбу за деревце-невесту до воплощения совершенного бракосочетания и состоявшегося обрядового перехода. М. А. Рыблова отмечает, что в отличие от русской свадьбы, в традиции хоперских казаков свадебное деревце не связывалось с «красотой» невесты: его не ломали во время собрания ее подруг накануне свадьбы, а разбирали в день венчания или на следующее утро [17, с. 122].

Другой разновидностью свадебного деревца является украшенная ветка калины, которую носили по улице на второй день свадьбы в знак сохранения молодой целомудрия до брака практически повсеместно на Нижнем Дону и примыкающих районах Среднего Дона. Выражение *носить калину* относится как к действиям с настоящими ветками и ягодами одноименного кустарника, так и с ветвями других деревьев, заменяющих его. Их обвязывали красными лентами или кусками ткани, вешали искусственные цветы, конфеты, иг-

¹ Тексты, записанные в диалектологических и этнолингвистических экспедициях, приводятся в орфографии с сохранением отличительных черт донских говоров.

рушки и т.п.: «Носили калину, ветку ломают и должны обойти весь хутор. Приходят в один двор, в другой, их там угощают. Всех гостей нужно обойти с веткой» (ПМДЭЭ ЮФУ (РГУ), зап. от Авраменко Н. В., 1929 г.р., в х. Арпачин Багаевского р-на Ростовской области (далее — РО) в 2002 г., соб.: Казаченко А., Струцкая Е.); «Лохматая вот такая вот ветка и красные ленты попривязаны, вся-вся в красных, это честная [невеста]» (ПМ Т. Е. Гревцовой, зап. от Савкиной Н. Е., 1929 г.р., в х. Мостовой Усть-Донецкого р-на РО в 2007 г., соб.: Гревцова Т. Е.; Терскова Н. В.). Во время ношения калины исполняли специальные песни о «честности» новобрачной (играли калину) [14, с. 282] [18, с. 217], появившиеся вследствие контактов с малороссийскими крестьянами: «А у нас то нонеча новина, новина, / Зародилась красная калина, калина. / Заехали купчики с горою, с горою, / Пригласили Манечку с собою, с собою» (ПМДЭЭ ЮФУ (РГУ), зап. от Пилкиной М. Л., 1914 г.р., в п. Нижний Чир Суrowsикинского р-на ВО в 1993 г., соб.: Ганиева Л., Алексеева С.). Калину после несения по улице вставляли в забор или печную трубу, закидывали на крышу дома: «...вот крайний дом, так на дом улázила, и в трубу заткнула эту ветку... Носили же по улице и везде, пели же песни, а потом улезла, чтобы все видали на хате-то» (ПМ Т. Е. Гревцовой, зап. от Савкиной Н. Е., 1929 г.р., в х. Мостовой Усть-Донецкого р-на РО в 2007 г., соб.: Гревцова Т. Е.; Терскова Н. В.). У малороссов дельты Дона (Азовский р-н РО) вместо калины носили ветку вишни, к ней привязывали живую курицу, из которой варили лапшу на следующий день после венчания. Интересно, что в данной локальной традиции замена калины вишней получила отражение в обрядовой терминологии в отличие от других нижнедонских районов: «Вишню носят на второй день, вырубывают маленькую, вот такую вот примерно. Вишенку убирают, там конфеты, орехи, там мандарины, у кого что придумают, то и вешают. И сажают курицу у дерево, там привязывают, и она сидит» (ПМДЭЭ ЮФУ (РГУ), зап. от Филипенко А. А., 1929 г.р., в с. Кагальник Азовского р-на РО в 2013 г., соб.: Логунова Е. О., Порешная Е. Ю.).

Нередко символика действий с веткой-«калиной» дублировалась манипуляциями

с ягодами, гроздьями или соком калины: гостям на одежду прикалывали пучки калины [4, с. 73] [14, с. 282] [19, с. 84]. Ягоды калины подносили родителям невесты или клали на стол на следующее после брачной ночи утро [4, с. 73] [18 с. 217]: «А это свашка, а если девушкой она выходила, то вот калина красная, грозди на стол калину ложили, значит, она вышла девушкой» (ПМДЭЭ ЮФУ (РГУ), зап. от Золотовой М. А., 1938 г.р., в ст. Мариинская Константиновского р-на РО в 2008 г., соб.: Патенян К., Ярцев С.). В Серафимовичском и Суrowsикинском районах Волгоградской области родственников невесты мазали соком калины [8, с. 112]. Часто настоящую калину и ее ягоды заменяли в обряде ленты и цветы красного цвета: их привязывали к ветке-«калине», украшали ими одежду гостей, обвязывали рюмки и штофы [14, с. 282] [19, с. 84].

Иногда этот вид свадебного деревца на Дону, как и в других славянских традициях [7, с. 263–264], сближается со свадебным знаменем — красным флагом (палкой с привязанной тканью красного цвета), который также носили по улице на второй день свадьбы в случае сохранения молодой целомудрия до брака во многих районах Ростовской области: «Да и ветку и с ягодой же, с калиной [носили]. <...> Ну она повесила, тридцатые годы же были, бедность была, нáволоки красные, а мы ж идём с флагом» (ПМ Н. А. Власкиной, зап. от Голотовой Л. А., 1927 г.р., в х. Чебачий Семикаракорского р-на РО в 2008 г.); «Пришлось мне, этого я не знала, подходим мы ко двору, а золóуки где-то нашли красную тряпочку и повесили, на палочку наматили и встрикнули в забор. Ну, я это не знала, к чему это. А потом мне объяснили, значит, девка честная» (ПМДЭЭ ЮФУ (РГУ), зап. от Цапковой А. З., 1927 г.р., в ст. Кочетовская Семикаракорского р-на РО в 2008 г., соб.: Яценко Ю. А., Скиба Е. А.).

В славянской традиционной культуре калина — символ девственности и поэтому играет большую роль в свадебном обряде. При этом и калина, и красный флаг являются вторичными символами по отношению к сорочке или простыне с пятнами крови — следами дефлорации. Мотивирующим признаком в этих атрибутах свадьбы является красный цвет [20, с. 194], что способствует их сближению

в обряде, а также замене их на другие предметы красного цвета.

Обрядовые действия с калиной, называние *калиной* наряженной ветки, которую носили по улице в знак сохранения невестой целомудрия до брака, и отражение символики калины в фольклорных текстах на Нижнем и Среднем Дону является украинским следом, поскольку именно в украинском ритуале выражение в калине семантики девственности невесты получает повсеместное и разнообразное воплощение [11, с. 179] [20, с. 196] [21, с. 446–447]. Это подтверждается как локализацией этого обрядового символа на Дону, так и свадебными традициями южнорусских областей, испытавших малороссийское влияние. На Кубани в знак «честности» молодой *ходили с калиной* — наряженной лентами, куклами, монетами веткой [21, с. 446]. В воронежских говорах *калiнкой* называли невесту, сохранившую целомудрие до свадьбы [21, с. 446], или свадебное деревце, символизировавшее чистоту невесты, которое украшали красными лентами и ягодами [3, с. 144]. Свадебное деревце могли изготавливать из калины в южнорусских и украинских областях [1, с. 341] [21, с. 446].

В большинстве районов Дона свадебное деревце выступает как единое целое с обрядовой выпечкой. На территории русско-украинского пограничья во время девичника происходило украшение калача невесты палочками с запеченным тестом, калиной, цветами. Данное ритуальное действие обозначалось словосочетаниями *цветковать, уцветковывать, убирать, украшать калач*, а веточки сосны или палочки, обмотанные тестом и запеченные в печи, называли *сосенки, семейка*: «Назначает там время цветковать этот калач. Лепятся утакое вот веточки, сосенки называют, эта к калачу. Веточки ломаются, и обволакиваются они тестом, и вставляют в этот калач. Начинают цветковать. Рубину туда вешают. У нас калину вешают» (ПМДЭЭ ЮФУ (РГУ), зап. от Антифеевой М. Н., 1922 г.р., в ст. Митякинская Тарасовского р-на РО в 2003 г., соб.: Лизогуб А.). Их могли делать и из лопуха, что представляется не случайным при сравнении с обрядами других территорий. Например, в ряде русских областей в роли

свадебного деревца выступал *репей*, иногда называемый «девичьей красой» [7, с. 285–286] [10, с. 118]. В Ульяновской области свадебное деревце, изготовленное из репейника, также могли называть *сосёнкой* [15, с. 136].

Сам калач как предмет с отверстием и ветка, украшавшая его, являются обрядовыми заместителями невесты и ее девичества [6, с. 44–45]. Повсеместно в славянской традиции цветение — символ молодости, который присутствует и в эпизодах донской свадьбы, связанных с прощанием с незамужней жизнью, обрядовым «переходом» невесты, сменой ее биологического и социального статуса. В обрядовой терминологии свадеб станицы Митякинской и близлежащих хуторов семантика цветения, выраженная в предметных символах (цветах и их изображениях), действиях с ними (втыкание в хлеб) и фольклорных текстах, поддерживается глаголом *цветковать, уцветковывать*, употребляемым для обозначения украшения калача невесты. Глагол отмечен как бытующий в говоре населения юрта станицы Митякинской еще А. В. Миртовым [16, стб. 337] и, очевидно, является украинским заимствованием, приобретшим русский фонетический «облик» (в украинском языке *цвіткувати* — «украшать, расписывать цветами» [22, с. 1579]). Кроме того, в свадебной традиции русско-украинского пограничья Ростовской области повсеместно перед свадьбой изготавливали свадебную выпечку, которую украшали палочками с птичками, калиной, красными нитками или лентами. Поэтому можно говорить о влиянии восточнорусского обряда на казачьи свадьбы Митякинской и прилегающих хуторов.

В донской свадьбе (как у казаков, так и у малороссов) каравай также чаще всего представлял собой хлеб, соединенный с «садом». В разных районах Дона этот «сад» воплощается в различных, хоть и сходных по семантике растительных символах. Свадебный хлеб украшали ветками деревьев (сосны, ели, вишни), палочками, обмотанными запеченным или жареным в масле (по типу хвороста) тестом, бумажными цветами.

В Верхнедонском районе Ростовской области в каравай втыкали ветку дерева (сосны, ели, вишни), на которую вешали бумажные

цветы (их называли букеты, каравай, сыр-каравай). Во время одаривания молодых цветы раздавали гостям, которые прикрепляли их себе на грудь (пришивали, цепляли букет), а ветку оставляли молодым. Затем половинки каравай делили между семьями новобрачных: «Вот когда дарёж начинается, каравай вынесут. И вот кто подарил, выпил, закусил, на него букет цепляют с каравай срезают букетики и тама. Цветочек, кто сами делали, кто покупали, больше сами... Хлеб испякут и в этот хлеб сажают каравай. Толька цветки. Каравай — круглый хлеб, а сам каравай — это ж сосну, голову, ну сосну небольшую срезают, чтоб она была на ветвях, и на эти ветви цепляют цветы. А хлеб, он держится в хлебе, и на сосне, на веточке цепляют букетики, цветочки, навесют ленточки» (ПМДЭЭ ЮФУ (РГУ), зап. от Журавлевой Р. В., 1930 г.р., в х. Рубеженский Верхнедонского р-на РО в 2004 г., соб.: Безденежных Н. В.). В Шолоховском и Боковском районах Ростовской области каравай украшали двумя ветками сосны, ели или вишни, разламывали на второй день свадьбы и давали по половинке каравай с веткой матерям новобрачных. Матери невесты подавали половинку каравай с приговором о том, что ей дают веточку, но «забирают деточку», т.е. дочь, остающуюся жить в доме мужа: «Вот это чтоб были по высоте и так, и чтоб одинаковые веточки были, в общем, как ёлочку, нарижают эти две, а потом, когда, значить, вы вот овён залили, а у кого будут жить молодые. <...> Она берёт эти две половиночки к себе, и подзывает ту, сваху, и говорит: “На, тебе, свашенька, веточки, а мне остаются деточки”» (ПМ Т. Е. Гревцовой, зап. от Великановой З. В., 1939 г.р., в х. Кружилинский Шолоховского р-на РО в 2005 г., соб.: Власкина Н. А., Гревцова Т. Е., Терскова Н. В.).

На значительной части Донского края каравай украшали веточками или палочками с запеченным или жаренным в масле (по типу хвороста) тестом, которые также являются разновидностью свадебного деревца. На палочки с тестом прикрепляли конфеты, ленты, бумажные цветы, калину: «От пышку раскатали и нащищаем резать. А тогда такой бошбк и палки, и на палку накручиваем, зубчиками понакрутили, накрутим много его там с щем-нибудь, ну бóльша с зярном... А потом нащи-

наем варить... А патом наливаешь маслом, туда-суда, суда возмёмшь сюда и она растопбрится здесь. <...> Обматывают его лентой, чтоб он не развалился... а потом конфет туда, калину понавешают, а когда щас стали святки [цветки] вешать» (ПМДЭЭ ЮФУ (РГУ), зап. от Пилкиной М. Л., 1914 г.р., в п. Нижний Чир Суровикинского р-на ВО в 1993 г., соб.: Ганиева Л., Алексеева С.). Эти палочки раздавали гостям во время одаривания молодых в день свадьбы, поэтому их количество соответствовало числу приглашенных, что позволяет видеть в каравайном «саде» воплощение общей доли состоящих в браке людей, которую необходимо перераспределить в связи с вступлением в эту социовозрастную группу новых членов [2, с. 78–82].

В районах Среднего Дона Ростовской области (Семикаракорский, Константиновский, Тацинский, Цимлянский) в каравай вставляли бумажные цветы, которые, как и палочки с тестом, раздавались гостям и воплощали общую долю семьи: «А мы с отцом держим каравай с цветами. Они под этот каравай и идут. Цветы такие, бамажные. Когда каравай подносят, обязательно цветочек тебе, с каравай. На другой день, если у тебе нету цветочка каравайного, дак на тебе кататься будут. Надо хранить этот цветочек» (ПМДЭЭ ЮФУ (РГУ), зап. от Ахтиманкиной Г. Ф., 1932 г.р., в ст. Мариинская Константиновского р-на РО в 2005 г., соб.: Патенян К.).

Интересно, что в районах Волгоградской области по Хопру, где носили свадебное деревце сосну, ёлку, сад, курник, уже в советское время каравай не пекли совсем (при сохранении названий даров, производных от слова каравай — каравай, класть на каравай, носить каравай и т.д.) либо изготавливали его без украшений или очень скромно украшенным по сравнению с другими районами Дона: «Ну каравай так и называли, подносить на каравай, что кладут на каравай, каравай подносить, а на каравай кладут, кто дарить. (Соб.: Потом его съедали?) Да ничё это не съедали, каравай — это кладут, а это берёшь стакан водки и закусочка там чего, пока поднесут, ничё там на нём не остаётся. (Соб.: Он украшен?) Ничё, не, не, это просто каравай подносить — это дарить жениху. (Соб.: Самого ка-

рава не было?) Не, не, просто это называли “каравай подносить”. Эт на каравай, чё наклали, этим много наклали на каравай» (ПМДЭЭ ЮФУ (РГУ), зап. от Поляковой Е. Г., 1918 г.р., в х. Стёженский Алексеевского р-на ВО в 2006 г., соб.: Архипенко Н. А., Бутко В. Г., Саенко М. Н.). Думается, такая закономерность не случайна, поскольку на подавляющей территории Донского края свадебное деревце является частью каравая.

Виды украшений свадебного каравая на Дону в целом коррелируют с восточнославянскими традициями. Каравай с палочками или веточками, облепленными тестом, изготавливали у белорусов, украинцев, а также в русских областях, испытавших влияние украинской традиции (Воронежской области, Ставропольском, Краснодарском краях). Веткой с цветами и конфетами каравай украшали в Орловской и Белгородской областях. Ветки сосны в каравай втыкали в Белгородской, Воронежской областях. Кроме того, сосна использовалась в функции обрядового деревца во многих восточнославянских регионах [5, с. 433] [7, с. 244–247].

Таким образом, виды свадебного деревца являются одним из маркеров, выделяющих региональные варианты донской свадебной традиции и позволяющих судить об истории их формирования. Свадебное деревце *сосна, ёлка, сад, курник*, представляющее собой украшенную ветку ели, сосны или вишни, имеет ограниченный ареал распространения, встречается главным образом в районах Волгоградской области по Хопру и сближает хоперскую свадьбу с южнорусской. Основные действия с этим видом обрядового деревца заключаются в принесении его из дома невесты к жениху

и разборе украшений с него новобрачными. Сад — символ невесты и ее девичества в восточнославянской традиции [1, с. 341], а его пространственное перемещение коррелирует с реальным переездом девушки в дом мужа, а также ее социальным и биологическим «переходом», который происходит в обряде. Окончательную смену статуса новобрачной манифестирует снятие украшений с ветки, которое могло сопровождаться разделением курицы, также являющей двойником невесты в свадебном обряде.

Символически связана с невестой, прежде всего ее девичеством и дефлорацией в первую брачную ночь, и *калина*, которую несли по улице на второй день свадьбы на Нижнем Дону в знак сохранения целомудрия молодой до брака. При этом использование в ритуалах второго дня свадьбы веток и ягод калины, название *калиной* украшенной ветки других деревьев, исполнение песен про калину являются украинским следом в казачьей свадьбе, распространенным в районах Нижнего и Среднего Дона до устья р. Чир.

Свадебное деревце в донской традиции часто соединяется с караваем, который, несмотря на разнообразие внешнего вида в отдельных районах, тесно связан с растительными символами. При этом последние получают культурную семантику, присущую хлебу в свадебном обряде (плодородия, брачного соединения, общей доли). Взаимное влияние проявляется также в обрядовой терминологии, когда названия выпечки переносятся на свадебное деревце (*каравай, сыр-каравай* — ветка на хлебе), и наоборот, в «растительной» номинации свадебного печенья (*шишка* — свадебная булочка).

Tatyana E. GREVTSOVA

Cand. Sci. (Russian Language), Federal Research Centre,
Southern Scientific Centre, Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation,
tanyar_2@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7512-9528

Ritual Tree in the Wedding Tradition of the Don Cossacks

Abstract. The article discusses the types of the ritual tree in the wedding tradition of the Don Cossacks, their areal distribution on the territory of the former Don Host Region, and also compares them

with East Slavic traditions. The main sources are the materials of the dialectological and ethnolinguistic expeditions of 1974–2014. The analysis is carried out in line with the research of the Moscow ethnolinguistic school, using the methods of structural semiotics, ethnolinguistics, ethnography, linguogeography. The factual material reflects the specifics of the existence of a tree as an independent attribute of a wedding in several areas (in Volgograd Oblast along the Khoher River, in the regions of the Middle Don and in the Lower Don regions of Rostov Oblast). The names of the ritual tree are listed; the ritual actions associated with it are characterized; the motivation for the names that this object had in the space of the wedding complex is explained. The symbolism of the studied element among the Khoher Cossacks is revealed. The significance of the decorated branch of the viburnum as a ritual tree is studied. On the basis of the analogies made, a rapprochement with similar rites common in other areas of Rostov Oblast is traced, and the Ukrainian origin of the ritual actions associated with the viburnum is revealed. The inextricable connection of the wedding tree with ritual baking, which appeared in the form of decorating the traditional kalach (white bread in the form of a ring) of the bride with twigs and flowers, is traced, the corresponding symbols and rituals that existed in various settlements of the Don are characterized, and the meaning of the corresponding symbols and rituals is established. It is indicated that, in the areas where the wedding tree was carried, already in the Soviet period they did not bake a wedding karavay (large round bread) at all, or they made it almost without decorations. Testimonies of informants are given as proof of the author's observations. It has been determined that the typology of wedding loaf decorations on the Don generally correlates with East Slavic traditions. Types of the wedding tree were established: (1) *pine, fir tree, garden, kurnik* – decorated tree branches, (2) *viburnum* – branches and berries of viburnum and (3) *karavay* – combination of a wedding tree with ritual bread. The author concludes that the types of the wedding tree are one of the markers that highlight the regional variants of the Don wedding tradition and make it possible to judge about the history of their formation.

Keywords: Don Cossacks, Don Host Region, wedding ritual, wedding tree, plant code, loaf of bread, viburnum, garden, bride.

Использованная литература:

1. Агапкина Т. А. Деревья в славянской народной традиции: Очерки. М.: Индрик, 2019.
2. Байбурин А. К. Обрядовое перераспределение доли у русских // Судьбы традиционной культуры: сборник статей и материалов памяти Ларисы Ивлевой. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 78–82.
3. Богданова Е. А. Лексика свадебного обряда в воронежских говорах: монография. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2019.
4. Большой толковый словарь донского казачества / Ростов. гос. ун-т; факультет филологии и журналистики; кафедра общего и сравнительного языкознания. М.: ООО «Русские словари», ООО «Изд-во Астрель», ООО «Изд-во АСТ», 2003.
5. Бузин В. С. Рождение, вступление в брак и смерть в традиционной южнорусской обрядности (Липецкая, Тамбовская, Пензенская области). СПб.: Нестор-История, 2015.
6. Гревцова Т. Е. Культурный термин «калач» в восточнославянском свадебном обряде // Сибирский филологический журнал. 2019. № 1. С. 40–53.
7. Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М.: Индрик, 2012.
8. Дианова Т. Б. Традиционное свадебное засто-

References:

1. Agapkina, T.A. (2019) *Derev'ya v slavyanskoy narodnoy traditsii: Ocherki* [Trees in the Slavic Folk Tradition: Essays]. Moscow: Indrik.
2. Bayburin, A.K. (1998) *Obryadovoe pereraspredelenie doli u russkikh* [Ritual Redistribution of a Share Among Russians]. In: *Sud'by traditsionnoy kul'tury. Sbornik statey i materialov pamyati Larisy Ivlevoy* [The Fate of Traditional Culture. Collection of Articles and Materials in Memory of Larisa Ivleva]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 78–82.
3. Bogdanova, E.A. (2019) *Leksika svadebnogo obryada v voronezhskikh govorakh* [Vocabulary of the Wedding Ceremony in Voronezh Dialects]. Voronezh: NAUKA-YuNIPRESS.
4. Grishina, E.A. (ed.) (2003) *Bol'shoy tolkovyy slovar' donsogo kazachestva* [Large Explanatory Dictionary of the Don Cossacks]. Moscow: ООО «Русские словари»: ООО «Izd-vo Astrel»: ООО «Izd-vo AST».
5. Buzin, V.S. (2015) *Rozhdenie, vstuplenie v brak i smert' v traditsionnoy yuzhnorusskoy obryadnosti (Lipetskaya, Tambovskaya, Penzenskaya oblasti)* [Birth, Marriage and Death in Traditional South Russian Rituals (Lipetsk, Tambov, Penza Oblasts)]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

лье на Дону // Традиционное русское застолье / отв. ред. А. С. Каргин. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. С. 96–117.

9. Донская свадьба. Выпуск II. Материалы этнографических и фольклорных экспедиций 1983–2017 гг. / сост. М. А. Рыблова, В. С. Кубракова, В. А. Шилкин; под ред. М. А. Рыбловой. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2020.

10. Зорин Н. В. Русский свадебный ритуал. М.: Наука, 2004.

11. Кабакова Г. И. Антропология женского тела в славянской традиции. М.: Ладомир, 2001.

12. Карпун М. А. Растения в праздниках и ритуалах станицы Раздорской // Историко-культурные и природные исследования на территории Раздорского этнографического музея-заповедника. Вып. 2. Новочеркасск: УПЦ «Набла» ЮРГТУ (НПИ), 2004. С. 131–134.

13. Колесницкая И. М., Телегина Л. М. Коса и красота в свадебном обряде восточных славян // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л.: Наука, 1977. С. 112–122.

14. Листопадов А. М. Песни донских казаков: в 5 т. / под общ. ред. Г. Сердюченко. Т. 5. М.: Музгиз, 1954.

15. Матлин М. Г. Свадебное деревце (репей) в культурном ландшафте Ульяновской области // Традиционная культура. 2018. Т. 19. № 5. С. 134–144.

16. Миртов А. В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов н/Д.: [Б. и.], 1929.

17. Рыблова М. А. Предметные символы девушки-невесты в донской казачьей свадьбе // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48. № 2. С. 121–128.

18. Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р. И. Кудряшова, Е. В. Брысина, В. И. Супрун; под ред. Р. И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011.

19. Сухоруков В. Д. Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях: исторический очерк / изд. газеты «Донская Речь». Новочеркасск: Областная войска Донского типография, 1892.

20. Толстая С. М. Символика девственности в полевом свадебном обряде // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М.: Ладомир, 1996. С. 192–206.

21. Усачева В. В. Калина // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 446–448.

22. Великий тлумачный словник сучасної української мови / уклад і голов. ред. В. Т. Бусел. Київ: Ірпінь, ВТФ «Перун», 2005.

6. Grevtsova, T.E. (2019) Cultural Term “Kalach” in the East Slavic Wedding Ritual. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 40–53. (In Russian).

7. Gura, A.V. (2012) *Brak i svad’ba v slavyanskoy narodnoy kul’ture: Semantika i simbolika* [Marriage and Wedding in Slavic Folk Culture: Semantics and Symbolism]. M*: Indrik.

8. Dianova, T.B. (2008) Traditsionnoe svadebnoe zastol’e na Donu [Traditional Wedding Feast on the Don]. In: Kargin, A.S. (ed.) *Traditsionnoe russkoe zastol’e* [Traditional Russian Feast]. Moscow: Gosudarstvennyy respublikanskiy tsentr russkogo fol’klora. pp. 96–117.

9. Ryblova, M.A. (ed.) (2020) *Donskaya svad’ba* [The Don Wedding]. Vol. II. Rostov-on-Don: South Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

10. Zorin, N.V. (2004) *Russkiy svadebnyy ritual* [The Russian Wedding Ritual]. Moscow: Nauka.

11. Kabakova, G.I. (2001) *Antropologiya zhenskogo tela v slavyanskoy traditsii* [Anthropology of the Female Body in the Slavic Tradition]. Moscow: Ladomir.

12. Karpun, M.A. (2004) Rasteniya v prazdnikakh i ritualakh stanitsy Razdorskoy [Plants in Holidays and Rituals of the Razdorskaya Village]. In: *Istoriko-kul’turnye i prirodnye issledovaniya na territorii Razdorskogo etnograficheskogo muzeya-zapovednika* [Historical, Cultural and Natural Research on the Territory of the Razdorskaya Ethnographic Museum-Reserve]. Vol. 2. Novocherkassk: UPTs “Nabla” YuRGTU (NPI). pp. 131–134.

13. Kolesnitskaya, I.M. & Telegina, L.M. (1977) Kosa i krásota v svadebnom obryade vostochnykh slavyan [Braid and Beauty in the Wedding Ceremony of the Eastern Slavs]. In: *Fol’klor i etnografiya. Svyazi fol’klora s drevnimi predstavleniyami i obryadami* [Folklore and Ethnography. Connections of Folklore With Ancient Ideas and Rituals]. Leningrad: Nauka. pp. 112–122.

14. Listopadov, A.M. (1954) *Pesni donskikh kazakov: v 5 t.* [Songs of the Don Cossacks: In 5 Volumes]. Vol. 5. Moscow: Muzgiz.

15. Matlin, M.G. (2018) Wedding Tree (Arctium) In the Cultural Landscape of the Ulyanovsk Region. *Traditsionnaya kul’tura – Traditional Culture*. 19 (5). pp. 134–144. (In Russian).

16. Mirtov, A.V. (1929) *Donskoy slovar’. Materialy k izucheniyu leksiki donskikh kazakov* [The Don Dictionary. Materials for the Study of the Vocabulary of the Don Cossacks]. Rostov-on-Don: [s.n.].

17. Ryblova, M.A. (2020) Bridal Symbols in the Don Cossack Wedding. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archeology, Ethnography, & Anthropology of Eurasia*. 48 (2). pp. 121–128.

18. Kudryashova, R.I. (ed.) (2011) *Slovar’ donskikh govorov Volgogradskoy oblasti* [The Dictionary of the Don Dialects of Volgograd Oblast]. 2nd ed. Volgograd: Izdatel’.

19. Sukhorukov, V.D. (1892) *Obshchezhitie donskikh kazakov v XVII i XVIII stoletiyakh. Istoricheskiy ocherk. Izdanie gazety “Donskaya Rech”* [Community of the Don Cossacks in the 17th and 18th Centuries. Historical Essay. Publication of the Newspaper “Donskaya Rech”]. Novocherkassk: Oblastnaya v. D. tipografiya.

20. Tolstaya, S.M. (1996) Simvolika devstvennosti v polesskom svadebnom obryade [The Symbolism of Virginity in the Polissya Wedding Ceremony]. In: Toporkov, A.L. (ed.)

Seks i erotika v russkoy traditsionnoy kul'ture [Sex and Erotica in Russian Traditional Culture]. Moscow: Ladomir. pp. 192–206.

21. Usacheva, V.V. (1999) Kalina [Viburnum]. In: Tolstoy, N.I. (ed.). *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar'*: v. 5 t. [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary: in 5 Vols]. Vol. 2. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 446–448.

22. Busel, V.T. (ed.) (2005) *Velikij tлумachnyj slovník suchasnoy ukraїns'koi movi* [A Large Explanatory Dictionary of the Modern Ukrainian Language]. Kyiv: Irpin': VTF "Perun".

Полная библиографическая ссылка на статью:

Гревцова Т. Е. Обрядовое деревце в свадебной традиции донских казаков / Т. Е. Гревцова // Наследие веков. – 2022. – № 1. – С. 15–25. DOI: 10.36343/SB.2022.29.1.001

Full bibliographic reference to the article:

Grevtsova, T. E. (2022) Ritual Tree in the Wedding Tradition of the Don Cossacks. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 15–25. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2022.29.1.001